

Рабочая тема. — Киев. —
— 1990. — 19 сент.

Нам надо поумерить свою агрессивность,

— считает известный рок-исполнитель Вячеслав Бутусов

«Наутилус» еще без приставки «Помпилиус» появился в 1989 году группа прекратила концертную деятельность Свердловского архитектурного института, никому не известная, а сейчас «Наутилус Помпилиус» собирает полные концертные залы.

В 1989 году группа прекратила концертную деятельность на год. И вот теперь она снова на сцене. В конце сентября в Киеве прошли гастроль «Наутилуса», во время которых солист группы Вячеслав Бутусов любезно согласился дать интервью для «Рабочей газеты».

— Вокруг распада группы «Наутилус Помпилиус» было очень много слухов. Хотелось бы услышать, что же было на самом деле?

— Ну, во-первых, чтобы высказать компетентное мнение, нужен пристрастный разбор всего до мелочей. Но если просто, то два взрослых человека пошли каждый по своему пути. Я считал, что десять лет — достаточный период для того, чтобы люди разобрались в собственных отношениях, тем более однажды уже расхопившись. Ведь помимо творческих противоречий, которых, я считаю, особенно не было, существует еще понятие коммуникабельности. Каждый человек требует к себе определенного отношения.

— Когда вы в первый раз приезжали в Киев, «Наутилус Помпилиус» был еще никому не известной группой. Ваши гастроль проходили в ДК ПО «Химволокно» три дня, а молодежь буквально валом валила. И вот сейчас вы снова появились — на сцене уже Дворца спорта. Скажите, это начало нового пути, нового этапа?

— Да, считаю, что это начало нового этапа. Мы отказались от клавишной фактуры. У «Наутилуса Помпилиуса» теперь новый состав.

— В одном из интервью вы сказали, что в этот период вы меняли «батарейки». Не кажется ли вам, что вы меняли их слишком долго, и в это время страну заполонила поп-музыка? А если говорить о «Наутилусе Помпилиусе», то кажется, что ваша музыка стала теперь более холодной по отношению к залу.

— Дело в том, что все перипетии «Наутилуса Помпилиуса» начались именно потому, что в стране независимо от того, работает «Наутилус» или нет, нарастает интерес к поп-музыке.

Это интерес определенных кругов, тех же средств массовой информации. Ведь мода — довольно управляемый процесс, и та информация, которая выходит в определенном объеме, буквально давит на молодежь, начиная с 15 лет, именно на ту молодежь, которая составляет основной процент слушателей.

Определенный круг слушателей, поклонников — в этом нет ничего плохого. Но другое дело, когда люди до такой степени увлекаются, что с шашками наголо начинают друг с другом войну. Пример Запада показывает, что нам надо по крайней мере поумерить свою агрессивность. У нас борьба мнений происходит в форме мордобоя, а это просто некра-

сиво. А вообще, я считаю, не определено понятие поп-музыки. В Советском Союзе считается, что поп-музыка — это «Ласковый май» или что-то ему подобное, а ведь поп-музыка расшифровывается элементарно — «популярная музыка».

Есть группы, у которых цель — не вырываться на определенный уровень. Они выпускают пластинки и альбомы, играют массу концертов. Но чтобы определить их стиль, недостаточно посмотреть на длину волос и аксессуары. У нас, например, часто пользуются аксессуарами определенного стиля, потому что так модно. Но группа, которая выходит на сцену с аксессуарами, допустим, «хэви метал», не обязательно исполняет «хэви метал».

— Среди ваших слушателей и поклонников тоже много молодежи, которая буквально воспринимает тексты ваших песен. Ну, например: «Пора на Киев!». Как вы к этому относитесь?

— Ну, конечно, когда зрители, услышав «Пора на Киев!», воспримут это буквально, с ними трудно общаться.

— А вы не связывали этот призыв с республиканской забастовкой, которая первоначально намечалась на 27 сентября, потом — на 1 октября?

— Да? Я даже об этом не знал. Я знаю только одно. Что существует город Киев, очень древний и очень красивый. И люди в нем должны быть такими же красивыми. Ведь все зависит не от города, а от людей. У меня очень большие надежды на Киев.

— Какого плана надежды?
— Надежды, что в Киеве все-

таки определенного рода священная земля. И я уверен, что эта святость должна сохраниться.

— На ваш взгляд, какие проблемы у молодежи?

— У нас детей всегда стараются обучить политической активности. А в результате — красная шапка на синюю шапку. Район на район. То есть, возникает проблема агрессивности. Становится даже страшно.

— А что бы вы предложили для решения этой проблемы? Как бороться с ней?

— С ней не бороться нужно. Нужно проводить какие-то акции, как в других странах проводят, чтобы выдвинуть ту или иную проблему на первый план, привлечь к ней молодежь. А у нас это сейчас не срабатывает, насколько я понимаю. Сколько бы мы ни проводили стотысячников в Москве или любом другом крупном городе, сколько бы ни писали: «Против СПИДа», «Против алкоголя», «Против наркотиков» — все бессмысленно, потому что все уже произошло.

— Один французский поэт сказал, что самая прекрасная песня — это песня о грустном. В вашем репертуаре большинство песен именно таких, красивых и грустных. Почему вы пишете такие песни?

— Вы считаете, что мои песни грустные?

— Но вы поете не о радостном, не о светлом, а о тяжелом, страшном, что есть в нашей жизни.

— Мне трудно ответить на этот вопрос, потому что я не знаю, почему мои песни грустные. Мне, например, кажется, что они другого характера. Мне всегда нравилась лирика Гребенщикова потому, что я ценю вещи, которые я не в состоянии сделать. Я пытался в свое время приближаться в определенной степени к романтике, но теперь я точно знаю, что мне это не удастся. То, что я делаю, скорее можно назвать неоромантикой или еще как-то в этом роде.

Интервью взяла
И. КУЗНЕЦОВА.